

Владимир Галактионович Короленко

Дело Бейлиса

, 2012

FB2: Владимир Короленко, 29.4.2016, version 1.0

UUID: f870fa4e-6934-11e6-9614-0cc47a545a1e

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Галактионович Короленко

Дело Бейлиса

Содержание

На Лукьяновке (во время дела Бейлиса)	0005
I	0005
II	0008
III	0010
IV	0017
V	0020
VI	0023
VII	0028
Господа присяжные заседатели	0031
Господа присяжные заседатели (статья вторая) . .	0039
Присяжные ответили	0044

**Владимир Галактионович
Короленко
Дело Бейлиса**

На Лукьяновке (во время дела Бейлиса)

I

Очерк

Вагон трамвая доставил нас к церкви св. Феодора на Дорогожицкой, откуда мы пошли по узким, своеобразным улицам. Киев вообще стоит в разных плоскостях, но здесь, на окраинах, эта топографическая особенность становится необыкновенно причудлива. Я теперь понимаю частые известия, попадающиеся в газетах, о приключениях киевских бандитов, отстреливающих так удачно в этих глинищах и оврагах от преследующей их полиции.

Мы приближаемся к Лукьяновке, к знаменитой отныне усадьбе Зайцева. Какой-то низкорослый сутулый человек медлительно подметает улицу перед домом. Фигура показалась мне характерной: «потомственный» мещанин старого города. Мы подходим к нему, отрываем его от полезного занятия, спраши-

ваем дорогу и кстати осведомляемся о том, какого он лично мнения об убийстве Ющинского. Он кладет метлу на левую руку, показывает, как нам выйти на Половецкую улицу, и затем, принимаясь опять за метлу, отвечает равнодушно:

– Ну-у... что тут... Никто тут на Бейлиса не думает... Были такие, что сделали и без жидов...

Я пытаюсь спросить о ритуальных убийствах вообще, но его этот вопрос, видимо, не интересует. Он бормочет что-то, и вокруг него опять начинает клубиться подметаемая пыль.

Этот мало сообщительный человек сразу взял ноту, которая впоследствии являлась господствующей в отзывах других обывателей. Есть люди, которые непременно добиваются решить вопрос в корне: может это быть, чтобы евреи выкачивали кровь из христианских детей, или этого никогда не бывает? Для серого обывателя в данном случае вопрос стоит не так: он берет только данный факт и только в данных пределах. Погиб мальчик. Кто-то убил, безжалостно и жестоко. Говорят,

это сделали евреи, потому что им нужна буд-то бы христианская кровь для мацы. Бог его знает, – нужна ли? Но в данном случае работали другие...

Я еще несколько раз останавливался, спрашивал о дороге и задавал вопросы. Чем ближе к самому месту страшной драмы, тем эта уверенность обывателя звучит определеннее.

Газеты отмечали, что во время судебного осмотра усадьбы Зайцева по адресу Бейлиса раздавались со стороны соседей голоса привета и участия. На суде иные тоже кланяются Бейлису.

Мы на углу Верхней Юрковской и Половецкой. Второй от угла двухэтажный деревянный домик. В нижнем этаже над дверью вывеска – «монополия».

Здесь, в верхнем этаже, жили супруги Чеберяковы. Он мелкий почтовый чиновник, безвольный и безличный. Она – особа с очень ярко выраженной индивидуальностью. У них было трое детей: мальчик Женя и две дочери. Одевала она их, особенно девочек, довольно чисто, «держала, как барышень». Старалась завести знакомства с соседями, приглашала их к себе, обещая интересное общество профессоров и врачей. Теперь, если есть что-нибудь в этом деле установленное вполне прочно, то это тот факт, что мнимые профессора и врачи были профессиональные воры. В квартире г-жи Чеберяковой был известный полиции воровской притон, и сама она осуждена за кражу.

Внизу живет сиделица монополии, г. Малицкая. Она утверждает, что в марте, около дня убийства Ющинского, слышала у себя над

головой сначала детские шаги, как будто вбежал ребенок. Потом шаги взрослых, потом детские заглушенные стоны и возню.

Что-то тащили, и одно время эта возня имела такой характер, «как будто делали мерное танцевальное па». Потом что-то пронесли, все стихло. И в квартире, по показанию других свидетелей, некоторое время царил будто бы темный ужас. Боялась чего-то Чеберякова, безотчетно пугались гости, приглашенные к ней ночевать.

Во время судебного осмотра здесь делали опыт: вверху стучали и воспроизводили детские крики. Внизу слушали.

– Я ничего не слышу, – сказал кто-то из обвинителей Бейлиса (и, значит, защитников Чеберяковой). Но тотчас же раздались голоса:

– Слышно, слышно... Совершенно ясно.

Итак, по одной версии, убийство произошло в этом доме. Но эта версия не признана официально. К следствию ни хозяйка квартиры, ни «врачи и профессора», посещавшие Чеберякову, не привлекались...

Против дома стоит кучка любопытных посетителей, и какой-то местный житель объяс-

няет им значение этой двухэтажной коробки в деле, интересующем всю Россию.

III

Мы идем за угол, по Половецкой... Направо большая прореха в заборе и невдалеке от забора хибарка. Она имеет вид какой-то опущенности и убогости. Ход из нее на Нагорную – очевидно, для удобства – в эту прореху, заменяющую калитку. Вообще здесь щели, прорехи и лазы разного рода – дело обычное.

В хибарке живут супруги Шаховские. Их профессия – зажигать фонари. Это люди бедные и опустившиеся: Шаховскую редко видели трезвой. Муж ее тоже, выражаясь по-старинному, «непрестанно обращается в пьянстве». Кроме общей с женой профессии фонарщика, он имеет еще другую: ловит щеглов и продает их; как все люди этого типа, он склонен к созерцанию. В житейских разговорах, по-видимому, довольно бестолков. Часто отлучается из дома, и зажигание фонарей достается на долю жены. Когда Шаховская выходит вечером с лестницей на плечах, то ее нетвердая походка привлекает ироническое

внимание мальчишек, которые порой ходят за ней и благодушно оказывают помощь.

По странной иронии судьбы, этой паре, далеко неустойчиво держащейся на собственных ногах, довелось служить одной из важнейших опор обвинения: муж и жена первые сболтнули о Бейлисе...

Минуем усадьбу Шаховских и идем дальше.

Навстречу беспечной походкой школьников, гуляющих в праздник, идут двое мальчиков-подростков. Один в гимназической шинели. Оба в таком возрасте, что легко могли быть товарищами Юцинского. Мы заговариваем, и юноши охотно останавливаются и даже поворачивают с нами.

Улица делает угол и ныряет между двух откосов. Направо к откосу, отделяющему улицу от усадьбы Зайцева, лепится очень высокий, но, очевидно, и очень непрочный забор, придающий улице мрачный и характерный вид. Он устроен странно, как бы в два яруса, и в некоторых местах в нем виднеются такие же недавние, как и забор, заплаты.

– Хотите посмотреть «мялья»? – спрашивает

ет наш чичероне и указывает на щели в заборе. Мы охотно подходим и заглядываем в эти щели: о «мялах» много говорили в суде.

В щель виден двор кирпичного завода, навесы, клады кирпича. Невдалеке виднеется вертикальный столб, на столбе длинный горизонтальный шест. Тут разводили глину и мяли ее. Для этого к горизонтальному шесту запрягали лошадь, а внизу прикрепляли тяжелые колеса (кажется, от старых лафетов). Лошадь шла по наружному кругу, колеса под шестом бегали внутри и месили глину.

Когда не было работы, – это была отличная карусель... Ребята разгоняли горизонтальный шест и вскакивали на него. Это бывало очень весело. Порой выходил кто-нибудь из завода и прогонял веселую стаю...

– Вы тоже катались? – спросил я у гимназиста.

– Сколько раз!

– Зачем же вас гоняли оттуда? Кому это вредило?

– Понятное дело, – говорит он тоном мальчика, начинающего чувствовать себя взрослым, – кирпичи портили.

– Гонял Бейлис?

– Ничего подобного. Когда же ему было самому гонять? На это есть сторожа!

Этому вопросу – кто гонял? гонял ли Бейлис? – суд посвятил много времени и тонких обследований. Сами дети и большинство свидетелей утверждали, что Бейлис не гонял. Шаховские, наоборот, первые заявили, что гонял. Это послужило исходным пунктом обвинительного силлогизма: если Бейлис гонял, то мог и догнать... Если мог догнать, то мог и схватить. Если мог схватить, то мог и унести, а дальше, конечно, мог и выточить кровь. Ну, а мог, – значит, и сделал.

Первые указали на эти возможности супруги Шаховские. Сначала они сказали, что по делу ничего не знают. Потом припомнили, что им говорила старуха Волкивна, будто она видела, как за двумя мальчиками гнался человек с черной бородой. Потом человек с черной бородой определился: это был Бейлис...

Волкивна – женщина тоже пьяная. Выходит, таким образом, что двое хронически пьяных людей ссылаются на третьего, тоже нетрезвого... Вдобавок Шаховские часто меня-

ли показания, а Волкивна не подтвердила ссылки. Она подходила, разговаривала, но о Бейлисе ничего не говорилось.

При разговоре присутствовало третье лицо – мальчишка, привлеченный, вероятно, обычным ироническим любопытством к особам, не вполне твердым на ногах. Его разыскали и спросили. Он, действительно, стоял около женщин и слушал. Но о Бейлисе Волкивна ничего не говорила. У следователя и на суде супруги Шаховские взяли странную ноту. На вопрос: было ли то-то, они отвечают: «Было». – А может, и не было? – «Не было».

Побившись с ними некоторое время, следователь г. Фененко, в руках которого это дело имело еще вид настоящей, а не «ритуальной» следственной процедуры, махнул рукой, не считая возможным арестовать Бейлиса на таком шатком основании.

Г. Машкевич, преемник г. Фененко, нашел, что «для ритуального дела» это сойдет. И когда вдобавок к Шаховским присоединилась еще семья Чеберяков, дело окончательно определилось в следующем виде.

Около мяла дети щебечут, как стая птиц.

Бейлису как раз нужен младенец для мацы. Он выходит из конторы, оглядывается. Целая стайка детей (лет по 10-ти) катается на мяле... Долго ли схватить одного? Бейлис кидается, как коршун, дети разлетаются подобно воробьям, но он продолжает гнаться за двумя. Один из них, Женя Чеберяк, убегает, другой, Андрюша Ющинский, попадает ему в руки. Вот и отлично. Среди белого дня, при рабочих, которые возят глину (установлено документально!), Бейлис спокойно тащит мальчика к пустой печке, как хозяйка несет пойманного цыпленка: дело, очевидно, к спеху.

Возможно ли привлечение, арест и суд на основании обвинения, исходящего из таких предпосылок? Г-н Фененко от них отказывается. Г-н Машкевич их принимает. Бейлиса арестуют.

Мы живем в странные времена. Недавно, в связи с тем же делом Бейлиса, в Государственной думе депутат Марков живописал следующую яркую картину. Дети в яркий солнечный день играют в садике, не чуя беды... Но вот к ним (среди белого дня!) уже «подкрадывается еврейский резник с кривым ножом (!) и, на-

метив резвящегося на солнышке ребенка, тащит к себе в подвал».

Большинство депутатов хохотали. Тогда «оратор» стал прямо грозить погромом. И это, конечно, было единственное место речи, в котором звучало хотя некоторое правдоподобие.

Картина, изображенная г. Марковым, стала чем-то вроде эпиграфа к делу, торжественно разбирающемуся теперь на глазах у всей России: г. Машкевич опять вызвал Шаховских, опять получил от них (кажется, в один день) три противоречивых ответа. Показания Шаховских были подкреплены не менее достоверными показаниями, исходящими из дома Чеберяк. И это главное, что имеется о Бейлисе по этому делу! Остальное касается цадиков, хасидов, страшных резников с кривыми ножами, которые сторожат «играющих на мяле детей», и тому подобных мотивов в чисто марковском вкусе... Целые заседания проходят даже без упоминания имени Бейлиса...

IV

Тон был дан. Из двух мест, о которых говорили в связи с делом Бейлиса, внимание правосудия повернулось решительно в сторону усадьбы Зайцева. Двухэтажный дом на Юрковской взят под защиту, и сомневаться в его благонадежности стало прямо опасно. В показаниях Шаховского один только раз на суде мелькнуло что-то новое. На вопрос, почему он не хочет сказать правды, он ответил угрюмо:

– Всякому жизнь мила... Меня уже били...

– Кто, кто вас бил? – встрепенулись гражданские истцы. – Вас били евреи?..

– Нет, не евреи.

Господа Мищук и Красовский посильнее Шаховского. И, однако, стоило им только повернуть испытующий взгляд к двухэтажному дому, на который указывала молва Лукьяновки, и они потерпели полное крушение. Опасно было сомневаться в невинности «врачей и профессоров», посещавших Чеберякову... Когда я был в суде, я видел г-на Красовского уже в штатском платье и в очень щекотливом по-

ложении: господа «обвинители» настойчиво, упорно и не особенно тонко старались внушить присяжным, что он не просто бывший полицейский, а мрачный злодей, отравивший при помощи пирожного детей Чеберяковой...

В ритуальном деле можно, очевидно, так «свободно» обращаться со свидетелями, ничем в, сущности, не опороченными.

Зато над домом, где жила семья Чеберяковых, на глазах у Лукьяновки как будто реет некое невидимое патриотическое знамя... в суде происходят приблизительно следующие интересные диалоги:

– Скажите, свидетель, вы, не правда ли, 12 марта были заняты?

– Да, был занят, – отвечает свидетель, приведенный под конвоем.

– Вы в то время взламывали магазин Адамовича?

– Да, взламывал...

– И у вас не оставалось времени для других дел?..

– Не оставалось... был занят...

Нельзя не считать чрезвычайно своеобраз-

ным положение, при котором обвинителям приходится защищать от судебного внимания тяжко заподозренных лиц при помощи таких экстраординарных аргументов...

На Лукьяновке тоже чувствуется это заштемпелеванное отношение к посетителям и жильцам двухэтажного дома на Юрковской...

Пока мы смотрим в щели забора, к нам по Половецкой подходят один за другим новые любопытные. Сегодня воскресенье. Приезжают из города... Наша кучка становится все больше. Подходят, смотрят в щели и молчат. Что-то, очевидно, мешает общему простому и доверчивому разговору. Я нарочно не начинаю, чтобы услышать непосредственное мнение. Они молчат, потому что не знают друг друга, а предмет, очевидно, считается щекотливым.

Так шло до тех пор, пока не подошел к нашей компании человек в длинном пальто и котелке, полумещанского, получиновничьего типа. Это был, очевидно, человек экспансивный, подвижной и неробкий. В нашу молчаливую компанию он врезался, как большой шмель в стайку мух, прошел к забору, посмот-

рел в щель и, повернувшись, сказал:

– Ну, только я прямо говорю: тут жида столько же работали, как и я.

V

Это сразу разрешило настроение, и дальше мы пошли вместе, громко разговаривая, делясь впечатлениями и жестикулируя.

– Вы знали Ющинского? – спросил я у гимназиста и его спутника.

– А как же! Приятели были. И Женю Чеберяк, и Валю, и Люду... Вон там, направо, – гофманская печь, куда Бейлис будто бы потащил Андрюшу!

– Да, среди белого дня... – замечает кто-то из старших... – Что ж он думал: другие дети не скажут?

– Конечно.

Вообще, мнение детей ярко и определенно. Это было заметно и на суде. Ни один из свидетелей-ребят не дал показаний против Бейлиса. Ни один не повторил, будто Бейлис гонял их с «мяла» и поймал Андрюшу. На суде был такой эпизод. Какой-то бутуз говорит против г-жи Чеберяк. Г-жа Чеберяк – женщи-

на цыганского типа, с жгучими черными глазами. На очной ставке она потребовала, чтобы мальчик смотрел ей в глаза.

– Пусть он смотрит мне в глаза... Пусть смотрит в глаза, – говорила она настойчиво и страстно. Но детские глаза свободно устремились в ее лицо, и мальчик сказал просто:

– Я вас не боюсь...

Мне рассказывали еще другой случай: вызвана девочка. Председатель спрашивает, знает ли она Бейлиса. Девочка несколько смущена и растеряна. Она ищет глазами и вдруг встречается с взглядом Бейлиса. Лица обоих освещаются улыбками добрых знакомых. Девочка кланяется «страшному» Бейлису, который гонял с «мяла» и ловил детей на мацу. Ни прокурор, ни гражданские истцы не задерживают эту явно для них безнадежную свидетельницу.

Да, дети решительно за Бейлиса...

Есть, впрочем, смутные показания, – и то запоздалые и загробные, – о Бейлисе и о том, что он гнался за Ющинским. Это сказал Женя Чеберяк, и это показание суду доставил г. Голубев, известный деятель «Двуглавого орла».

То же говорила на суде Люда Чеберяк под взглядами матери. Она сама не видала. Ей говорила покойная сестра Валя...

Перед смертью сына г-жа Чеберяк наклонялась над ним, целовала его и умоляла:

– Скажи, что твоя мама тут ни при чем.

Но мальчик отвернулся к стене и сказал только:

– Ах, мама, оставь...

Я не знаю теперь в России женщины несчастнее г-жи Чеберяк. И она проявляет изумительное самообладание... Во всяком случае, это факт, из дела неустранимый: дети против нее... Дети за Бейлиса.

VI

Мы огибаем заборы зайцевской усадьбы, проходим мимо усадьбы Марра и подымаемся на пустырь, поросший лесом.

Это усадьба Бернера и «Загоровщина», куда так влекло Андрюшу вместо училища... Трудно представить себе место, более привлекательное для детей. Гора широким склоном спускается к Кирилловской улице. Внизу, за ней, точно на плане, лежит чей-то кирпичный завод; видны навесы, высокие трубы и «мяла». За заводом – широкая синяя даль, подернутая легкой дымкой, луга, излучины Почайны и далеко, на самом горизонте, прерывистая лента Днепра. Луговой и днепровский ветер налетает сюда широкими, ласковыми взмахами.

Этот уголок видел и Андрюшу Ющинского, и Женю, и девочек Чеберяк, которых уже нет на свете. Андрюша убит, Женя и Валя умерли от дизентерии...

– Сколько раз мы тут играли! – говорит гимназист под влиянием нахлынувших воспоминаний.

– Андрюша был хороший товарищ? – спрашиваю я.

– Очень хороший. Бывало, играем с ним в солдатики или во что другое, – всегда все возвратит, никогда ничего не утащит.

Меня несколько удивила мерка нравственности в этой молодой компании, и я спросил невольно:

– А Женя Чеберяк?

– Женя таскал... И потом станет спорить: «мое».

– А очень способный был!.. Пушки умел отливать! Сделает в песке форму, растопит олово и выльет пушку... Ей-богу! Все умел сделать...

– Но был вспыльчивый. Чуть что – сейчас драться.

– Бывало, пристанет: давай, поборемся. Я говорю: уходи к чорту... – Нет, давай! Ну, я его раз так стиснул, что он только запищал.

Юноша расправляет плечи, как будто с удовольствием вспоминая о расправе с задорным товарищем и забывая, что этого товарища уже нет на свете.

– Ну, а дочери Чеберяковой? – спрашиваю

я.

– Девочки ничего... Хорошо себя держали...

– Вы с ними тоже играли?

– А как же, очень часто...

Другой улыбается улыбкой взрослого над недавним детством и говорит:

– Даже ухаживали немного... Девочки были хорошие.

Здесь, на Загоровщине, разыгрался и эпизод с прутиками... Некоторые свидетели показывают, что Андрюша и Женя вырезали по прутику. Прутик Андрюши оказался лучше, и Женя заявил на него претензию. Андрюша не отдал. Женя погрозил.

– Я скажу твоей матери, что ты не учишься, а ходишь сюда.

И у Андрюши сорвались роковые слова:

– А я скажу, что у вас в квартире притон воров...

Сказал и, очевидно, забыл, и опять прибежал вместо школы на Лукьяновку... Но злопамятный Женя не забыл и передал матери, конечно, не думая о страшных последствиях этого для товарища. Может быть, во всем ужасном объеме не думала и Чеберякова... Но

в это время в «работе» компании часто стали случаться неудачи: Чеберякову раз, другой, третий арестовали, делали обыски, нашли краденые вещи, таскали по участкам... А законы этой среды в таких случаях ужасны...

И вот Малицкая утверждает, что она слышала наверху возню и топот и сдавленный детский крик...

Гипотезы в этом роде невольно возникают на лукьяновской почве между заводом Зайцева и двухэтажным домом на Юрковской улице...

– Для исследования вы изволили взять шесть образчиков глины, – спрашивает на суде один из защитников у эксперта г. Туфанова. – И все шесть с завода Бейлиса?

– Да.

– И тожества ни в одном не оказалось... А со двора Чеберяковых глину брали?

– Нет, не брали...

– А! Не брали, – подчеркивает защита, Этого мотива невозможно устранить из этого поистине странного дела... Все оно пресыщено такими, вопросами и сомнениями...

Среди разговоров мы минуем большой

глинистый курган, поросший травой... В нем виднеется пещера.

– Нет, это еще не та...

Та оказывается в нескольких шагах дальше, там, где начинается склон к Кирилловской улице и приднепровским лугам. Холмик разрыт... Видна обнаженная глина. Два дерева выросли на вершине холма, соединенные корнями. Под этими корнями зияет темный ход, довольно круто, коридором уходящий вглубь. В конце этот коридор пересечен узким и коротким ходом накрест, как делают обыкновенно кладоискатели... В одном из концов этого креста и нашли прислоненным в темном углу тело несчастного Андрюши Ющинского... Первая опознала его Чеберякова...

– В пещере темно, а она опознала по шитой рубашке, – иронически замечает один из юношей...

VII

Назад мы возвращались более кратким путем, наискось с горки, на Нагорную улицу. Влево уходила Половецкая улица с ее высоким забором и глинистым откосом. Кое-где, утопая в этом мрачном и пустынном проезде, виднеются фонари, которые зажигали Шаховские. Страшно, должно быть, здесь в темные весенние ночи даже при свете этих фонариков. И воображение невольно рисует такую мрачную ночь, и ветер, свистящий на Загоровщине в голых деревьях, и темные фигуры людей, несущих таинственную ношу...

Кто же, кто сделал это ужасное дело?

На горку, точно на богомолье, идут одни за другими кучки людей. Поднимаются двумя рядами девочки школьницы, идут горожане, чиновники, торговцы, мещане... Вот мы встречаемся с одной кучкой, громко и возбужденно обсуждающей что-то. Они спрашивают у нас дорогу к пещере.

– Ну, вот, господа, – говорю я без дальних приступов, – вы киевляне. Скажите, что вы думаете об этом деле?

– То-то, что вот... милостивый государь, – говорит один возбужденно. – Не знаем, думать. Еще недавно казалось нам одно... теперь выходит совершенно наоборот...

Компания, очевидно, до известной степени черносотенная, но и для добросовестной черносотенной массы истина становится все более очевидной. На одной стороне чувствуется живая, бытовая правда. Светит солнце, играют дети, режут прутики, ссорятся, жалуются друг на друга, по-детски грозят... Двухэтажное здание на Верхней Юрковской улице кидает тоже совершенно реальную тень на мирную картину. Его посещают люди вполне определенного склада и профессии, близость с которыми для детей всегда опасна. Здесь изобретаются планы воровства, ночных набегов и разгромов...

Обвинение предпочло этой реальной картине – фантастический бульварный роман, без всякой прочной связи с бытовой обстановкой и реальной жизнью.

– Как вы думаете, – спросил я у своего спутника, интеллигентного киевского жителя, – кому следовало бы судить несчастного Бейли-

са?

– Я поручил бы судить его лукьяновцам, –
ответил он.

Через полчаса вагон нес нас по улицам современного Киева, с красивыми домами, вывесками, газетами и электричеством. А в душе стояло ощущение XVI столетия.

1913

Господа присяжные заседатели

Каждый раз, когда начинается заседание суда, повторяется неуклонно одна и та же выразительная сцена:

– Суд идет!

Публика подымается, входят судьи с цепями и занимают места за длинным столом.

Публика опять усаживается. Но тотчас же судебный пристав провозглашает вновь:

– Прошу встать!

Зал опять на ногах. Сидят только коронные судьи. Из двери налево от председателя появляется худощавый человек в черном сюртуке и светлом жилете. Он проходит быстро, даже с некоторой торопливостью, будто опасаясь, что кто-нибудь может опередить его и этим умалить его достоинство. Дойдя до скамьи присяжных заседателей, он делает по-луоборот и останавливается в одной и той же позе: левый локоть приподнят на парту, стан изогнут с некоторой грацией, нога чуть заложена за ногу. В такой позе есть статуя како-

го-то великого человека. В правой руке у художавого господина – неизменный карандаш, который в этом ансамбле напоминает жезл полководца или подзорную трубу адмирала.

На полминуты художавый господин замирает. Если бы скульптор или хоть фотограф в это мгновение собирались его увековечить, он был бы, очевидно, к этому уже готов.

Так, в величавой неподвижности, он остается, пока мимо него, как солдаты, дефилируют остальные присяжные.

– Это – старшина присяжных Мельников, мелкий писец контрольной палаты.

Когда предпоследнее место занимает человек городского вида в широком сюртуке, старшина быстрым движением почти вспрыгивает на последнее место. Выходит, как будто он не просто садится, а замыкает собою какой-то загон и остается на карауле. Заседание начинается. Внимание переходит на коронных судей, на прокурора, на гражданских истцов, на защитников... Присяжные на одной стороне, молчаливый Бейлис – на другой, как бы выпадают из поля зрения.

Взглядываю по временам на эти скамьи,

где сидят 12 человек, держащих в своих руках судьбу процесса. Что они делают, какие мысли выступают на их лицах, в каких жестах и движениях проскальзывают их чувства?

«Киевлянин» в одной из своих статей отмечал некоторое отсутствие достоинства, с которым старшина держится по отношению к председателю. Так как черта эта дополняется несколько комичными приемами, как бы командира над присяжными, то в общем складывается представление о мелком чиновнике, привыкшем смотреть в глаза начальству. А так как воля начальства в этом процессе, если не высказана, то выказана с подобающей ясностью, то на старшину присяжных одни смотрят с опасением, другие с надеждой отмечают, что он хватается за карандаш в тех случаях, когда можно записать что-нибудь благоприятное обвинению.

Все это, конечно, шатко и неопределенно. Нужно, однако, сказать, что и Мельников делает очень много, чтобы как будто афишировать свое отношение к делу. Подчеркнутая внимательность по адресу прокурора и гражданских истцов, величавое невнимание к

свидетелям и заявлениям защиты... дают право к отзыву «Киевлянина» прибавить: старшина присяжных держится без достоинства не только по отношению к председателю.

Что касается остального состава присяжных заседателей, то общее впечатление от него именно серое. Пять деревенских кафтанов, несколько шевелюр, подстриженных на лбу, на одно лицо, точно писец с картины Репина «Запорожцы». Несколько сюртуков, порой довольно мешковатых. Лица то серьезные и внимательные, то равнодушные... двое нередко «отсутствуют»... Особенно один сладко дремлет по полчаса, сложив руки на животе и склонив голову...

Состав по сословиям – семь крестьян, три мещанина, два мелких чиновника. Два интеллигентных человека попали в запасные. Старшина – писец контрольной палаты.

Состав для университетского центра, несомненно, исключительный. По этому поводу в городе много разговоров, и «Киевлянин» уже обещал в сдержанном намеке какие-то разоблачения... Все замечают, что обычный состав присяжных изобиловал в гораздо большей

степени именами интеллигентных людей.

Когда при мне в зале суда заговорили об этом деликатном предмете, один господин, по-видимому, довольно компетентный, ручаясь, что здесь нельзя видеть никакого злоупотребления, объяснил дело просто. В прежние годы, действительно, состав был гораздо интеллигентнее, потому что в гораздо большей степени к исполнению этой повинности привлекался город и меньше уезд. В нынешнем году нашли нужным несколько восстановить равновесие между городом и уездами. Таким образом, общий список оказался более серым. Вот и все.

Когда же это сделано? С января нынешнего года, то есть система изменена именно в год процесса Бейлиса. Говоривший слегка покраснел. Ему, по-видимому, это соображение не приходило в голову, и он понял, к каким неудобным заключениям может подавать повод.

Этого, однако, мало. В перерыве дела Бейлиса по коридорам и по лестницам то и дело проводили арестантов в другое отделение. Оказалось, что параллельно идут заседания

еще в двух уголовных отделениях, пятом и шестом (Бейлиса судят в десятом). Меня заинтересовал состав присяжных в этих отделениях, и я был приятно (или неприятно?) удивлен. Оказалось, что для суда по мелкому уголовному делу шестое, например, отделение киевского суда имеет в своем распоряжении двух или даже трех профессоров, десять человек интеллигентных присяжных и только двух крестьян. Выходит, таким образом, что то изменение, которое произошло в списках, по удивительной случайности коснулось самым резким образом той сессии и того отделения, где должны были судить Бейлиса.

Как же это вышло? Известно, между прочим, что суд производил жеребьевку присяжных для данной сессии публично. Значит, случайность, постигшая состав присяжных, судящих Бейлиса, сложилась в какой-нибудь из предыдущих стадий. У меня есть списки по трем уголовным отделениям, и они очень красноречивы. Не имея возможности в настоящей статье приводить подробные цифры, ограничиваюсь следующим грубым сравнением. На 33 присяжных пятого отделения —

крестьян и мещан приходится 10, чиновников – 14; шестого отделения – крестьян и мещан – 14, чиновников – 10; десятого, где судят Бейлиса, крестьян и мещан – 20, чиновников – 4. Детальное рассмотрение этих цифр, если принять в соображение еще дворян, лиц интеллигентных профессий, профессоров, высших чиновников и низших, приводит к выводам еще более определенным.

Откладывая подробный анализ на будущее время, заканчиваю пока следующим.

Интеллектуальный уровень присяжных, которым предстояло судить сложное дело, связанное с мировым спором о ритуале, является пониженным против среднего уровня для университетского города, и, если в университетском центре не нашлось другого кандидата в старшины, кроме мелкого писца, не умеющего с достоинством представлять институт присяжных, то это является исключительным и случайным. Совершенно понятно, что воображение местного общества встревожено и идет гораздо дальше пределов, намечаемых указанными фактами.

Как бы то ни было, близкий уже момент,

когда эти присяжные удалятся в свою совещательную комнату, выйдет глубоко драматичен и вызовет чувства чрезвычайно сложные, далеко не исчерпываемые обычным отношением к суду...

1913

Господа присяжные заседатели (статья вторая)

В прошлой статье я говорил о поразительном и резком отступлении от среднего интеллектуального и образовательного уровня состава присяжных, судящих Бейлиса. Об этом много говорят, пожимают плечами, недоумевают. Воображение

отказывается объяснять это простой случайностью, и в кругах, – интересующихся юридической стороной дела Бейлиса, задаются вопросом, в какой именно стадии составления списков могло случиться это резкое отклонение от нормы.

Объяснений несколько. Я пока не стану вдаваться в подробное их изложение и анализ. Все они выделяют суд, производивший последний акт, жеребьевку очередных присяжных на данную сессию. Она происходила публично, на ней присутствовали лица заинтересованные, в суд щеголял особенной корректностью всей процедуры. С другой стороны, как мы видели, общие списки, составляе-

мые на весь год, изменению не подверглись. В них естественное преобладание города Киева над уездом осталось неприкосновенным.

Отсюда следует, что данный вопрос локализуется в стадии составления и присылки суду готовых очередных списков на ту сессию, в которую попало дело Бейлиса. Говорят, что если бы просмотреть списки присяжных на всю ту серию сессии, которая совпала с разбирательством ритуального дела, то оказалось бы, что все они так же резко отличаются от среднего состава, и норма вновь восстанавливается по окончании этой серии. Это, конечно, легко проверить.

В задачу настоящей статьи не входит подробный анализ этого вопроса, и я, быть может, вернусь к нему в другое время, теперь я имею в виду лишь констатировать факт, отметить толки, им порождаемые, и указать на необходимость осветить всю процедуру составления очередного списка так же всесторонне и ясно, как была освещена процедура жеребьевки; также необходимо освещение того материала, над которым она производилась.

Как бы то ни было, данный состав присяжных заседателей скоро сегодня получит поставленные судом вопросы и удалится для своего совещания. Слово этих скромных, серых деревенских людей телеграф разнесет по всему миру.

Вопрос стоит так: признают ли они при наличии указанной «случайности» существование ритуала, или даже при таких условиях они его отвергнут?

Мне невольно вспоминается другой состав присяжных, тоже по ритуальному делу и тоже очень серых, гораздо более серых, чем те перешние киевские присяжные. Они судили мултанцев. Два полуинтеллигентных человека и 10 мужиков. Правда, там были коренные мужики с предрассудками деревни, но и с крепкой, нетронутой деревенской совестью. Здесь пригородье и деревня киевская, в которой нередки отделения союзов русского народа, разъедающая агитация и националистская демагогия. И там два первых состава присяжных вынесли обвинительные приговоры, имея дело с вопиюще искаженным следственным и судебным материалом, но

они не колебались, когда завеса была приподнята.

Дело Бейлиса тоже искажено ложным направлением следствия, но и оно стало ясно после суда и речей защиты. В своей реплике сегодня прокурор уже не аргументировал. Вся его речь была страстным демагогическим воззванием к чувствам племенной ненависти и вражды.

Этим подчеркнуты ожидания, какие обвинение возлагает на этот состав присяжных.

Оправдаются ли они, трудно быть пророком при таких сложных обстоятельствах и, не имея уверенности, до каких пределов могли доходить «случайности». Я лично не теряю надежды, что луч народного здравого смысла и народной совести пробьется даже сквозь эти туманы, так густо затянувшие в данную минуту горизонт русского правосудия.

Правда, испытание, которому оно подвергнуто на глазах у всего мира, тяжелое, и если присяжные выйдут из него с честью, это будет значить, что нет уже на Руси таких условий, при которых можно вырвать у народной совести ритуальное обвинение.

Присяжные ответили...

Среди величайшего напряжения заканчивается дело Бейлиса. Мимо суда прекращено всякое движение. Не пропускаются даже вагоны трамвая. На улицах – наряды конной и пешей полиции. На четыре часа в Софийском соборе назначена с участием архиерея панихида по убиенному младенцу Андрюше Ющинском. В перспективе улицы, на которой находится суд, густо чернеет пятно народа у стен Софийского собора. Кое-где над толпой вспыхивают факелы. Сумерки спускаются среди тягостного волнения.

Становится известно, что председательское резюме резко и определенно обвинительное. После протеста защиты председатель решает дополнить свое резюме, но Замысловский возражает, и председатель отказывается. Присяжные ушли под впечатлением односторонней речи. Настроение в суде еще более напрягается, передаваясь и городу.

Около шести часов стремительно выбегают репортеры. Разносится молнией известие, что Бейлис оправдан. Внезапно физиономия

улиц меняется. Виднеются многочисленные кучки народа, поздравляющие друг друга. Русские и евреи сливаются в общей радости. Погромное пятно у собора сразу теряет свое мрачное значение. Кошмары тускнеют. Исключительность состава присяжных еще подчеркивает значение оправдания.

1913